

Наука и идеология

Приглашение к дискуссии

Необходимость радикальной модернизации советского общества сегодня постоянно натывается на неспособность идеологизированной отечественной общественной науки дать глубокое объяснение причин тех или иных явлений, прогноз их дальнейшего развития, наконец, рекомендации по преодолению кризисной ситуации. Нам представляется, что изучение соотношения науки и идеологии, механизмов деформации идеологизированного научного знания становится одной из наиболее актуальных тем философии, логики научного познания, социологии науки. Приглашая исследователей * обмену мнениями, мы публикуем статью кандидата философских наук, старшего научного сотрудника Института международного рабочего движения АН СССР А. АХИЕЗЕРА, который рассматривает проблему соотношения науки и идеологии с широкими социокультурных позиций.

А. АХИЕЗЕР: Идеология — предмет науки, наука — элемент идеологии

Последние семьдесят лет в нашей стране прошли в атмосфере постоянно корректируемой государственной идеологии, авторитет которой поддерживался всеми возможными средствами, включая массовый террор. Укоренился всеобщий страх перед попытками отпадения от нее. Социокультурная основа этого явления, его механизмы не подвергались, к сожалению, научному анализу.

Государственная идеология решает жизненно важную для любого общества задачу. Она направлена на обеспечение его воспроизводства, на его интеграцию, на борьбу с социальной энтропией, угрожающей необратимой дезорганизацией, в конечном итоге национальной катастрофой. В любом обществе при решении этой задачи люди следуют исторически сложившемуся, организованному и зафиксированному в культуре опыту истории, концентрирующему в себе нормы и ценности, направленные на интеграцию общества, на воспроизводство ее определенной версии. В любом обществе существует система социальных интеграторов, например парламент, органы информации, полиция и т. д. Множество таких

механизмов подстраховывают, перекрывают друг друга. Слабость одних неизбежно возлагает повышенную нагрузку на другие. И гипертрофированное развитие идеологии, превращение ее в фокус всех интеграторов может быть лишь результатом слабости всей системы воспроизводства общества.

Подобная деформация есть следствие особого явления, которое русской философией рассматривалось как *раскол*. Раскол в свете современных представлений — это особое патологическое состояние общества, социальной системы. Он характеризуется острым застойным противоречием между культурой и социальными отношениями. Раскол приводит к возрастающей дезорганизации общества, социальной организации, культуры, к росту потока инноваций, превышающих возможности существующей культуры по их освоению. Из-за него возникает массовое дискомфортное состояние, которое несет угрозу отчуждения людей от общества, от своих производственных функций. Постепенно распространяясь на различные формы и уровни общественного бытия, раскол проходит в России между

обществом и государством, между властью и народом, между правящими кругами и духовной элитой. Этот процесс может охватить и внутренний мир личности. Раскол означает, что общество оказалось не в состоянии преодолеть противоречие между культурой и социальными отношениями, но обладает способностью сдерживать его расширение свыше критически необратимого состояния. Такое общество находится в хроническом патологическом состоянии.

Наличие раскола означает также, что общество неизбежно вынуждено прибегать к крайним, чрезвычайным мерам, превращая их в нечто постоянное. Одним из таких средств является идеология. Она предстает как *попытка власти сформировать особое нравственное, духовное, культурное основание интеграции общества, необходимое для обеспечения единства его расколотых частей.*

Государственная идеология создается специализированной группой идеологов, которые преследуют практически единственную цель — создание всеобщей основы для воспроизводственной деятельности, нацеленной на интеграцию общества. Эту цель можно реализовать лишь в том случае, если интеграция общества будет соединена с массовыми нравственными ценностями, т. е. если в массовом сознании, в культурном богатстве большинства для нее будет найдено основание. Иначе говоря, задача идеологической деятельности заключается в *соединении интеграции общества и массового сознания.* Идеология, формируемая государством, должна отвечать совершенно определенным, достаточно жестким требованиям. С одной стороны, она должна соответствовать массовым ожиданиям, содержанию массового сознания значимой части общества, с другой — требованиям воспроизводства интеграции общества, соответствующим минимальным требованиям воспроизводства социальных интеграторов, в первую очередь государства.

Очевидно, что если массовое сознание, культура общества несут в себе в достаточной мере ценности интеграции общества, сохранения государства, то задача формирования, поддержания государственной идеологии практически не возникает. Однако в условиях раскола может сложиться иная ситуация. Проблема обеспечения нравственных оснований интеграции резко обостряется в тех случаях, когда массовое сознание нацеливает общество на воспроизводство прежде всего догосударственных форм жизни, на органи-

зацию преимущественно замкнутых локальных миров: общин, натуральных самодостаточных хозяйств и т. д.

В таком обществе формирование эффективной идеологии представляет собой исключительно сложную, почти неразрешимую задачу. Простой пример: государство может найти определенное признание в массовом сознании, если царь, т. е. фактический глава бюрократии, будет интерпретирован как батюшка, как отец, как глава патриархальной семьи. Здесь мы имеем экстраполяцию древних до-государственных представлений на государство, на большое общество. Это создает нравственную культурную основу для государства как инструмента интеграции общества. Государство значительной частью общества может восприниматься как большая патриархальная семья. Одновременно реальные различия между массовой культурой, идущей в русле патриархальных ценностей, и реальными социальными отношениями, реальной государственностью остаются скрытыми. Такое противоречие — тайна общества. Она возможна при отождествлении разных типов представлений, опирающихся на разные культурные традиции. В основе идеологии и лежит подобное, по сути, иллюзорное отождествление.

В истории различают *мифопоэтическую* и *понятийно-логическую* формы мышления, которые существуют одновременно. Разрыв между ними может означать кризис, раскол, грозящий губительными последствиями для общества, так как в данном случае обнажилось бы несоответствие, даже несовместимость отдельных слоев общества, социальных групп. Возможность предотвращения опасности заключается в использовании метафорической сущности мышления. Метафора «соизмеряет разные сущности, создавая новый «гештальт» из редуцированных прототипов, формируя на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нем признаки гетерогенных сущностей»¹. Попытка метафорического отождествления типов мышления может стать основой для убеждения общества или его части в том, что нет двух значимых типов миропонимания, а есть лишь один. В результате обе формы мышления — мифопоэтическое и понятийно-логическое — выступают не как независимые, параллельные явления, а как ипостаси нового, высшего звена, со своей осо-

¹ "Метафора в языке и тексте". М., 1988, с. 4.

бой ипостасной грамматикой», где «слово не равно себе и равно другому и в своем тождестве другому воплощает Единое»². Например, идея Бога, сформулированная в высококультурных слоях, может слиться в сознании полуграмотного мирянина с идеей местного тотема. Тем самым нивелируется существование двух разных типов мышления, двух концепций мироздания, двух путей интеграции общества.

Ипостасное мышление открывает возможности социальной интеграции. Например, вокруг слова «империализм» можно объединить как тех, кто видит в этом научное определение капиталистической реальности, так и носителей архаичных традиций, ищущих современное воплощение мирового зла. Идеология формируется из подобных двусмысленных слов, представлений, словосочетаний. Именно к ним сводится костяк государственной идеологии. Иногда они прямо носят сдвоенный характер, например «батько-командарм», как именовал себя Махно, «народный академик», «руководящая роль партии» как форма народовластия и т. д. Типичный пример идеологической конструкции — «социалистическое государство, воплощая народовластие, является отрицанием государства». Но в каждой идеологеме заключены два различных, возможно, отрицающих друг друга полюса. Одну из ипостасей такого мышления можно рассматривать как форму освоения предметности, т. е. воспроизведения внекультурной предметной реальности в понятиях, представлениях, теориях, концепциях и т. д., в перспективе претендующих на научный характер, на объективное содержание. Другая ипостась — воплощение обыденной донаучной личностной культуры значительной, определяющей части общества, несущей основное бремя его воспроизводства.

Развитая государственная идеология, однако, включает и третью ипостась. Она возможна лишь в обществе, где получила значительное развитие *утилитарная нравственность*. Последняя стимулирует способность людей расчленять мир, рассматривать любой его вычлененный элемент как реальное или потенциальное средство для исторически сложившихся целей. Утилитаризм открывает возможность появления людей, способных быть идеологами.

² Померанц Г. С. Национальное мышление как система и диалог семиотических систем. «Историко-филологические исследования». М., 1974, с. 422.

т. е. осознавших возможность отделять себя от собственных представлений и рассматривающих культуру, ее элементы не как естественную самоценность, но как средство достижения утилитарных целей (например соединения церковного богословия с массовым сознанием, соединения государственности и ценностей основной массы населения, даже если в его среде господствуют догосударственные представления).

Развитая идеология в собственном смысле слова возникает как результат именно утилитарного отношения к массовому сознанию и к собственной доктрине идеологов. Утилитаризм не сводится к личной выгоде, но является определенной формой логики, формой мышления, которое способно отвергать и использовать всех богов, все ценности разных культур. Идеология есть совершенно особый феномен культуры, превращающий последнюю в утилитарное средство социальной интеграции. Идеология призвана постоянно находить меру соотношения двух первых ипостасей для их соединения в изменяющейся ситуации, чутко реагировать на сдвиги в массовом сознании, руководствуясь при этом лишь одной утилитарной задачей — воспроизводством интеграции общества.

Идеологизированное общество представляет собой клубок сложнейших проблем, трудность анализа которых заключается, в частности, в *необходимости сохранения тайны*, т. е. тайны ипостасности идеологии, тайны существования раскола между частями общества. Поэтому в ипостасной идеологии предметное мышление, в особенности его высшая форма — наука, оказывается в крайне сложном положении. Господство в обществе идеологии означает, что наука вынуждена развиваться, с одной стороны, по логике науки, с другой — по логике идеологии. Поэтому отношение науки и идеологии в истории нашего общества всегда было сменой служения и конфликта, доходящего до борьбы на взаимоничтожение. В условиях господства идеологии наука, спрятавшись где-то в порах общества, пытается добывать позитивные знания независимо от их идеологической оценки. Определяющим фокусом здесь служит сама логика науки, ее ориентация на предметность. В свою очередь, идеология, постоянно черпая из живого источника науки, осваивает новые факты, идеи. Но различие логик этих двух форм культуры делает противоречие между ними неизбежным повседневным явлением. Логическая структура споров между наукой

и идеологией весьма поучительна. Опираясь на специфически научные методы, наука требует обобщения реальных фактов, анализа закономерностей исторического процесса, выявления причинно-следственных связей, вплоть до постоянной критики своих собственных оснований, и т. д. Одновременно всегда шла борьба против древних тотемических представлений, взятых на вооружение идеологией, против отождествления тех или иных идей, целых научных направлений (например генетики) и отдельных деятелей науки со злом в его современных формах (например с буржуазией, с агентурой мирового империализма или сионизма и т. д.). По сути, эти системы аргументации науки и идеологии настолько далеки друг от друга, что практически могли бы сосуществовать не пересекаясь. Как, например, современная научная футурология и гадание сосуществуют в разных социальных пространствах, не мешая друг другу. Однако идеология в принципе не остается равнодушной к наличию этих двух логик. Идеологи пытаются представлять свои решения как результат *тождества науки и идеологии*.

Логика государственной идеологии в СССР всегда жестко следовала утилитаризму, который может в принципе использовать любые методы, включая чисто административные, террористические, сметая науку и ее представителей с лица земли. Она хватается за любое средство, которое обещает максимальный эффект. Конфликты, которые имели место в партии большевиков после 1917 г., можно понять, лишь перестав рассматривать их как некое подобие «спора ученых», якобы совместно ищущих истину и на ее основе вырабатывающих эффективные решения, отвечающие потребностям развития общества. Подобные наивные представления излагал, например, Л. Фейхтвангер. В действительности решалась идеологическая задача: идеологи пытались соединить содержание массового сознания с потребностями сохранения целостности общества. Особо отчетливо это видно на примере споров, которые вел со своими противниками Сталин. Специфика его идеологических решений заключается в их смещении к полюсу массового сознания, в использовании массового тяготения к партиципации, к тотему, отцу-вождю. Тем самым опорой государственности Сталин черпал в архаичных пластах массового сознания. В спорах проигрывал тот, чью позицию основная часть населения могла оценить (с помощью идеоло-

гов или без них) как воплощение «мирового зла». Так, Зиновьев, считавший, что в одиночку нельзя построить социализм, интерпретировался как «убийца идеала», т. е. идеала социализма, идеального общества Правды. «Сталин вел не теоретический, а идеологический спор: нажимая на самую чувствительную клавишу в сознании рядового партийца, выставляя своего соперника один на один с ожиданиями масс, и тот был ими смят... Сталин победил, потому что военно-коммунистическая идеология была доступнее и ближе миллионам новобранцев индустриализации, чем идеология рынка и товарно-денежных отношений»³. Сталин побеждал в идеологических конфликтах, так как он всегда плыл на волне большинства.

Знаменитая победа Т. Лысенко над биологической наукой, очевидно, навсегда останется в истории классическим примером победы идеологии. Противников «михуринского учения», занятых опытами над мухами-дрозофилами в разгар Великой Отечественной войны, легко было отождествить с буржуазными мракобесами и т. п.

Идеология в нашей стране всегда обращалась к массовому сознанию, к его ценностям, идущим из глубины веков, и тем самым находила массовую социальную поддержку. Сталин побеждал под громкие крики народа «распни Его!» (Марк 15,13). Народ нес Сталина на своих плечах. Сталинизм победил потому, что шел по пути древних авторитарных принципов, возглавил массовое движение, требующее в тот момент авторитаризма. Он установил порядок принятия решений, снимающий с народа, с рядового человека ответственность за разоблачение врагов, непосильное бремя государственных ответственных решений. В конечном итоге Сталин «выступал для нас в роли спасителя от ошибок»⁴.

Односторонний крен идеологической деятельности в сторону патриархального массового сознания, в котором господствует стремление адаптироваться к ранее сложившимся условиям образа жизни, труда, к статичному воспроизводству, опасен тем, что ведет к застою, возможно, и к деградации, поддерживает и укрепляет архаичные ценности в ущерб ценностям, связанным с развитием и прогрессом. Идеология может тяготеть и к другому

³Клямкин И. Почему трудно говорить правду. «Новый мир», 1989, № 2, с. 229. ⁴Симонов К. Глазами человека моего поколения. «Знамя», 1988, № 3, с. 34.

полюсу, т. е. пытаться найти эффективные решения, опереться на науку как высшую ценность. Однако выдвижение науки как высшей ценности вовсе не означает, что имеется в виду реальная наука, а не *очередная утопия, лишь переодетая в научные одежды*.

После 1917 г. идеология в нашей стране в своих лозунгах не отделяла себя от науки. Идеологи рассматривали пропагандируемые ценности одновременно и как воплощение чаяний широких масс трудящихся, и как воплощение принципов науки, результат обобщенного понимания закономерностей мирового процесса, противоречий мировой истории. Но постепенно выявился ряд осложняющих обстоятельств. Они шли как со стороны науки, так и со стороны массового сознания. Дело в том, что социальные проблемы — открытые проблемы, на них следует реагировать каждый день. Наука, имеющая дело с таким динамичным и противоречивым объектом, как общество, должна постоянно переоценивать и углублять свои результаты.

Наша общественная наука обнаруживает неспособность к этому, ибо она слаба и как социальный институт (т. е. по своему качеству), и как особая сфера деятельности человека (т. е. по умению проникать в существо социальных процессов). Западная наука здесь не могла помочь, потому что она функционирует в иной социальной реальности. Наше общество, опирающееся на утопические иллюзии, не осознало необходимости независимой социальной науки, способной понять реальные закономерности социального развития, значимость событий в стране в масштабе всего мирового исторического процесса. Советская наука стала использоваться государством как средство для решения главным образом технических проблем, как средство разрешения тех задач, сама постановка которых не была результатом научного исследования. Сами цели брались из донаучных форм культуры.

В этой связи общественная наука оказалась под давлением идеологии, которая подмяла ее под себя, лишив тем самым и общество, и себя реального социального знания. Идеологическая деятельность потеряла важнейшую основу для нормального функционирования. Идеология оказалась неспособной ни осмыслить динамику массового сознания, ни выявить конкретные пути устойчивого сбалансированного социального и экономического развития общества. Результат этого зафиксирован в признании Ю. Андропова, в 1983 г. констати-

ровавшего, что «мы не знаем общества, в котором живем». Такова расплата за ориентацию государственной идеологии на архаичное массовое сознание.

Не видя реальных результатов от социальной науки, массовое сознание, по-прежнему опирающееся на донаучные идеалы, не может смириться с необходимостью постоянно изменять картину мира под влиянием новых знаний. Отсюда, например, нежелание согласиться с новым знанием о нашем недавнем прошлом. И та наука, которая все-таки старалась быть критиком комфортных мифов и «народной правды», соответственно, сама по себе становится объектом социальной критики со стороны донаучных форм культуры. В подавлении реальной социальной науки объединяются и идеологи, и часть «ученых», и массовый носитель древней народной правды.

Что же так пугает всех этих людей? Они ощущают глубокое несоответствие научной истины, самой логики научного мышления народной правде. Как писал А. Франс, истина всегда безнравственна. Известно также, что истина «скучна и многим даже не нужна... Большинству кажется, что в истине сидит правда, хотя для истины нет ничего более чуждого, чем правда с ее моральной экзистенцией. Истина вне морали»⁵. Наука выступает тем самым как фактор дискомфорта, т. е. вступает в противоречие с задачей идеологии — нейтрализации всех явлений, способных породить массовое дискомфортное состояние. Поэтому советская общественная наука всегда проникалась массовыми предрассудками, превращающими ее подчас в народные утопии, лишь выраженные научными понятиями. В предыдущие десятилетия все более утрачивалась ее связь со старой наукой, со старым научным этосом. Она сползала к утилитарному приспособленчеству и конъюнктуре, шла по пути создания средств для абсурдных, подчас и разрушительных, в частности ведомственных, целей. Велась борьба против науки как таковой за фактическое превращение ее в некую псевдонауку, в инобытие массового сознания. Становление псевдонауки было *формой развития идеологии*.

В этой «науке» постоянно всплывают различного рода предрассудки, взаимоисключающие и имеющие древние исторические корни (например убежденность, что стоит лишь освободить народ от бюрократической надстройки,

⁵Голосовкер Я. Э. Миф моей жизни. «Вопросы философии», 1989, № 2, с. 125.

и "правды" Начальства, и он сразу решит все проблемы, повысит производительность труда, Построит «счастливую жизнь»). И это утверждается несмотря на явное несоответствие с элементарными наблюдениями. Так, в «эпоху застоя» с угнетающей силой проявилась апатия народа. «Казалось, что чересчур много людей удовлетворяются тем ходом событий, который установился у нас с 60-х годов,— пишет академик Н. Моисеев.— Внутренняя неудовлетворенность проявилась как-то подспудно и в таких формах, которые, казалось, были явно недостаточны для активного поиска новых форм труда и общественной жизни. Да и сейчас у меня нет полной убежденности в том, что «народ» достаточно расшевелился»⁶. Характерно, однако, что не только на уровне «народа», но и среди ученых, вопреки элементарным требованиям науки, опыт нашей же истории практически не обобщается⁷. Одновременно с идеей всемогущества освобожденного от бюрократия народа развиваются прямо противоположные представления, что «все зависит от начальства», от его произвольного хотения, что якобы именно это и определяет развитие страны (по крайней мере с 1917 г.). Обе идеи ведут свое происхождение от веры в тотем, отождествляемый одновременно с племенем, с локальным сообществом и с его первым лицом. Это толкает ученых к публицистике, которой подчас свойственно старые предрассудки «опровергать» новыми, а возможно, еще более старыми.

Идеологи всегда опасаются углубления науки до уровня, на котором может быть вскрыта тайна идеологии, т. е. тот факт, что идеология в действительности как бы склеена из разных ипостасей, что она гибридна. Подлинная социальная наука несовместима с сохранением этой тайны, так как эта наука критична и направлена на проникновение в сущностные механизмы общества. Но в той форме, какую социальная наука приобрела у нас, она долгие годы была лишь служанкой

⁶ Моисеев Н. Зачем дорога, если она не ведет к храму. «Иного не дано». М., 1988, с. 75.

⁷ Например, не анализировался опыт реформ, проводимых как до, так и после 1917 года. Если бы такая работа была проведена, то можно было бы заметить, что все эти реформы в конечном итоге превращались в контрреформы. Знание механизма данного явления необходимо современным реформаторам.

идеологии и, следовательно, способствовала сокрытию указанной гибридности⁸.

Нераскрытая суть идеологии мешает преодолению опасностей мира. Однако парадокс заключается в том, что и раскрытие сути идеологии в определенных условиях способно нести в себе не меньшую опасность. Деидеологизированное общество может внезапно оказаться в дискомфортном состоянии из-за отказа от привычных мифов.

Прорыв в более глубокую сферу всегда несет в себе опасность. Проникновение в тайны ядерной материи породило опасность ядерной войны, экологических разрушений. Углубление самопознания общества — тоже не исключает роста опасностей. Вспомним: одним из важнейших толчков, приведших к падению самодержавия в России, стало раскрытие «тайны», что царь — не "батюшка", но глава бюрократической системы, что он не противостоит начальству, а сам является его высшим воплощением (Г. Федотов). Эта правда стала доступна обществу еще во времена церковного раскола и породила отождествление царя с антихристом. Но степень опасности меняется в зависимости от того, овладела ли правдой ограниченная группа людей или она стала предметом всеобщего достояния.

Идеология немислима без защиты тайны. Ленин это хорошо осознавал. Например, в период нэпа он говорил о необходимости «изображать» «возврат к меновой экономике, к капитализму как некоторое временное отступление». Это было сочтено необходимым, «чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе», поскольку нельзя «вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни»⁹. Такая позиция вполне соответствует идеологии русского марксизма, который

⁸ В принципе в каждой культуре существует осознание человеком ее ограниченности. Сконцентрированный в культуре исторический опыт проявляется в определенной неспособности предвидеть и предотвращать вторжение дезорганизующих процессов. Механизм формирования и сохранения «тайны культуры» есть элемент механизма культуры вообще, который может быть использован идеологией. Осознание «тайны культуры» включено в саму культуру. Поэтому культура всегда проблемна, всегда несет в себе потенциальный страх перед скрытой угрозой обнаружения опасностей мира, страх перед тем, что обнаружение этих опасностей вызовет массовые разрушительные для интеграции общества действия. Б а ж а н о в Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж — Нью-Йорк, 1983, с. 117.

постоянно тяготеет к народничеству в широком смысле слова, т. е. к смещению идеологии в сторону ценностей массового сознания. Большевики потому и победили, что прошли по этому пути дальше, чем все иные партии и лидеры. Однако расплатой за победу стало углубление в утопические проекты и идеи, разгром науки, уничтожение накопленного знания. Это не могло не сделать *идеологию формой утопии*, не могло в конечном итоге не повлечь катастрофических последствий для общества.

Обществу нужна борьба за истину. «Может быть, все наши беды, включая ужасы сталинизма, как раз и проистекали от того, что мы долго лукавили, что так и не научились почитать истину, правду своей истории, ее уроки»¹⁰. С этим трудно не согласиться. Но нельзя забывать и о другом уроке нашей истории: массовое сознание часто стремилось к утопической Правде. А власть опиралась на эти массовые экспектации для того, чтобы сокрушить науку и направить энергию миллионов на утверждение разрушительных утопий.

Разоблачение тайны идеологии не ведет автоматически к победе науки. На месте старых мифов и иллюзий могут утвердиться новые. Фактически, этот процесс может выродиться

в борьбу одной утопии с другой, в борьбу за новую «тайну», за новую идеологию.

Важнейший урок нашей истории заключается и в том, что утопии, которые подчас выдаются за Правду, при попытке воплотить их в жизнь приводят к разрухе, к тому, что решение сложнейших технических, социальных, культурных проблем превращается в массовое избиение инакомыслящих, «вредителей», так как накопленный исторический опыт диктует именно такую реакцию на крушение мифов комфортного мира. Сегодняшнее накопление ярости против кооператоров, арендаторов, бюрократов, сторонников частной собственности и т. п., против всех, кто нарушает уравнивательность, свидетельствует, что в обществе остается достаточно сильным стремление объяснить ситуацию не собственной отсталостью и безынициативностью, но деятельностью «зловредных групп». Это легко и понятно, ибо именно так объясняли свои неудачи люди на протяжении большей части своей истории. Подобная ситуация неизбежно вновь и вновь рождает идеологию.

Государственная идеология — это костыли, которые необходимы больному. Здоровому костыли не нужны. Но что же делать больному обществу? В этой драматической ситуации неизбежно приходится вести речь не об исчезновении идеологии, а о смене ее формы.

¹⁰ Ц и п к о А. Не надо бояться правды. «Наука и жизнь», 1989, № 2, с. 61.